

1. Ничего не знаем наши словари

Одна из самых загадочных фигур в истории литературной Сибири первой половины двадцатого века — Михаил Плотников. С его именем неразрывно связаны многие проблемы мансийского фольклора и литературы. Он написал множество рассказов, повестей, исторических очерков и этнографических работ. Но главной книгой его жизни стала поэма «Янгал-Маа». Она вошла в сокровищницу мировой литературы.

Увы, долгое время читающая Россия о Плотникове мало что знала. Во всяком случае, взявшись в конце 1980-х годов за составление словника для задуманного мною справочника о североведах России, я изучил практически все изданные в советскую эпоху биографические словари и различные справочные издания, но небольшие справки о Плотникове обнаружил лишь в «Материалах для сибирского словаря писателей» Николая Здобнова, напечатанных в 1927 году на страницах журнала «Северная Азия» с подзаголовком «Предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков». Напрасно я листал первый том библиографического словаря русских писателей XX века «Писатели современной эпохи», впервые изданный в 1928 году под редакцией Б. Козьмина, фундаментальный библиографический указатель «Русская литература Сибири. 1917 — 1970 гг.» (Новосибирск, 1977), составленный Василием Трушкиным справочник «Литературная Сибирь» (Иркутск, 1971), библиографический указатель «Писатели Восточной Сибири» под редакцией Н. Кражинской (Иркутск, 1973), книгу Николая Мазуева «Русские советские писатели: Материалы для биографического словаря. 1917 — 1967» (М., 1981), другие издания. Плотников в них отсутствовал. Лишь однажды имя этого писателя промелькнуло в первом выпуске критико-библиографического словаря писателей Восточной Сибири «Литературная Сибирь» (Иркутск, 1986).

М. Плотников был упомянут в вводной статье В. Трушкина к словарю этого автора выходившего в 1916 — 1919 годах в Красноярске журнале «Сибирские записки». Но когда Плотников родился и что написал, об этом в словаре 1986 года ничего не говорилось.

Позже тюменский издатель Юрий Мандрика посоветовал полистать «Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» Ивана Мясанова. Но в первом издании этого словаря, заключительный том которого вышел в 1949 году — спустя четыре года после смерти автора, Михаил Плотников нигде не фигурировал. Его имя я нашёл лишь во втором издании (том 3, М., 1958). По сути, это было изложение короткой справки, составленной ещё в 1927 году Здобновым. (К слову о справке Здобнова. Через многие десятилетия её чётко ли не слово в слово повторил Николай Яновский, чей словарь «Русские писатели Сибири XX века» вышел уже посмертно — в 1997 году в Новосибирске.) Но вот что удивительно: ссылки на «Материалы...» Здобнова есть и в первом, и во втором издании «Словаря...» Мясанова. Значит, имя Плотникова Мясанову было известно ещё с конца 1920-х годов. Так почему же оно пропущено в первом издании? По недосмотру публикатора — сына Мясанова, требовавшего цензуры или из-за вмешательств третьих лиц?

Я, кстати, потом продолжил изучение обозначенной Мясановым темы и совершенно случайно обнаружил изданную в 1973 году в Новосибирске брошюру Евгения Петряева «Псевдонимы литераторов-сибиряков». Ничего нового после Здобнова Петряев о Плотникове не сообщил. Кроме того, ранее неизвестных его псевдонимов: Карено; О. и Путьик.

А вот просмотр литературоведов и этнографических изданий мало что дал. Я не нашёл Плотникова даже в «Материалах для библиографического словаря восточно-сибирских этнографов», изданных в 1926 году в Иркутске. Хотя организаторы этого издания — Павел Хороших и Марк Аздовский в своё время не раз встречались с Плотниковым и знали его как способного исследователя

культуры и быта тунгусов. Допуская, что в словаре 1926 года Плотникова не оказалось по причине его, скажем так, непростых отношений с Аздовскими. Но вот что пошемуло известному североведу Борису Кومانовскому уже в 1969 году на защите в Институте мировой литературы кандидатской диссертации о путях формирования и развития литератур народов Севера, говоря о предшественниках художественных дебютов мансийских поэтов и рассказчиков, назвать создателя поэмы «Янгал-Маа», не понятно. Кстати, саму поэму литературовед в своей диссертации всё-таки однажды упомянул, но лишь в связи с отношением Максима Горького к фольклору Севера (Кومانовский привёл воспоминания Корнелия Зелинского, в которых содержалась данная Горьким оценка вогульского эпоса) и без указания имени её автора.

Странное впечатление произвёл и двухтомник «Очерки русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982). Плотников в них отводилось всего три абзаца, и все они посвящались краткому анализу опубликованных в 1918 — 1919 годах нескольких глав из поэмы «Янгал-Маа». Правда, в какой-то момент автор разбора В. Трушкин оговорился, мол, «поэма осталась в ту пору незаконченной: она прервалась на восьмой песне». Видимо, Трушкин не знал, что позже Плотников всё-таки дописал поэму. Иначе не нашёл бы несколько строк для писателя в главах, рассказывавших о литературной жизни Сибири в 1920-е — 1930-е годы.

Заговор молчания смог прервать, по-моему, только поэт Сергей Марков. Он в 1973 году опубликовал в «Сибирских огнях» свои интересные размышления «Югорская расподия», которые хоть в какой-то мере пролили свет на некоторые страницы биографии Плотникова.

Следующий шаг в изучении творческой судьбы писателя был предпринят лишь четверть века спустя. В 1997 году тюменское издательство «СофтДизайн» выпустило библиографический словарь энтузиастов из Ханты-Мансийска Валерия Белобородова и Татьяны Пуртовой «Учёные и краеведы Югры», в котором Плотникову была посвящена целая страница. Правда, авторы сразу оговорились, что о жизненном пути писателя «располагают крайне скудными сведениями». Не случайно они вместо даты рождения Плотникова поставили знак вопроса. Весьма предположительно хантымансийцы определили и дату смерти: «после 1933».

Но при всём этом словарь Белобородова и Пуртовой, который я оценил в газете «Литературная Россия» (1997, № 48) как «шаг к созданию югорской энциклопедии», давал, как мне показалось, ориентиры для новых поисков. Во всяком случае справка хантымансийских краеведов привела меня к кое-каким догадкам, которые я попытался изложить на страницах «ЛР».

2. Первые догадки

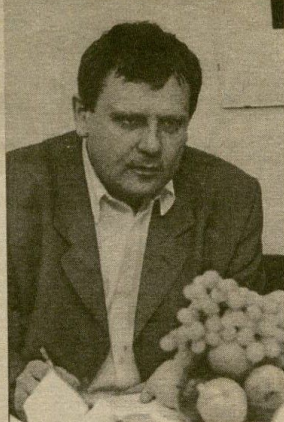
Газетную заметку заметил тюменский издатель Юрий Мандрика. Он в это время составлял очередной сборник для 10-томной библиотеки «Невидимые времена», в который собирался включить ряд сочинений Василия Князева и Михаила Плотникова, и искал, кто бы написал предисловие о судьбах этих писателей. Я согласился расширить опубликованный в «ЛР» материал о Плотникове, хотя понимал, что придётся оперировать в основном версиями, а не реальными документами.

Взявшись за работу, я решил оттолкнуться прежде всего от по какой-то причине незамеченного Белобородовым и Пуртовой словаря, точнее предварительного списка сибирских писателей Николая Здобнова. Думаю, есть смысл привести фрагмент этого предисловия.

Согласно спискам Здобнова, Михаил Павлович (но не Александрович, как сказано в словаре «Учёные и краеведы Югры») Плотников (псевдоним М. Хелли) родился 5 ноября 1892 года в г. Кольвань Томской губернии. Этим данным, выпавшим из книги Белобородова и Пуртовой, можно верить хотя бы уже потому, что Здобнов биографическую справку о Плотникове поместил в звездочку (это означало, что писатель лично прислал ему сведения о

себе). Но вот кто Плотников по происхождению, его образование, взгляды, пристрастия, в материалах Здобнова это не отражено. Ну а потом библиографы интерес к автору поэмы «Янгал-Маа» надолго утратили. Появились силы, которые очень хотели вытравить имя Плотникова из истории Сибири и общероссийского литературного процесса.

Правда, кое-что в ноябре 1973 года прояснил поэт Сергей Мар-

Вычеслав ОГРЫЗКО

ЗАГАДОЧНАЯ

ков. В журнале «Сибирские огни» он тогда опубликовал чрезвычайно любопытные воспоминания «Югорская расподия».

К слову сказать, спустя 24 года многие факты из марковских мемуаров вошли в статью омского историка Михаила Бударина «Жемчужина поэзии народов Сибири» («Югра», 1997, № 7), но вместо указания первоисточника автор решил напустить туману и сослался лишь на свои давние встречи с поэтом. Хотя в публикации Бударина есть и кое-какие открытия (но они в словаре «Учёные и краеведы Югры» никак не отражены).

В общем, по Маркову и Бударину, Плотников вышел из среды тобольских толстосумов-миллионеров. Образование получил в Петербурге. Видимо, в студенчестве примкнул к эсеровскому движению, за что после поражения первой русской революции был сослан под надзор полиции в Тобольск. Оттуда Плотников, благодаря покровительству одного из своих богатых родственников, отправился заготовительный уезд, где судьба столкнула его со столетним шаманом-сказителем Кутюна. Сбору и обработке вогульских сказаний Плотников посвятил с некоторыми перерывами 12 лет (1915 — 1927 годы), причём кое-какие материалы он опубликовал при Колчаке.

Последнее обстоятельство изрядно повредило дальнейшей карьере писателя. Думаю, именно из-за сопричастности к колчаковским изданиям новая власть и в большей степени карательные органы победившего пролетариата стали Плотникова после гражданской войны преследовать.

Видимо, этим объясняются его частые разъезды по стране. В словаре «Учёные и краеведы Югры» сообщается, что в 1920-е годы Плотников был сотрудником редакции новосибирской газеты «Советская Сибирь». Но я полагаю, что до новосибирского этапа в жизни писателя имел место неизвестный историкам читинский период. На это косвенно указывают вышедшие в Чите книги Мих. Плотникова «Туземный вопрос в ДВР» (1922) и «Оленеводство» (1924). У меня есть основания утверждать, что эти работы написал именно автор поэмы «Янгал-Маа».

В Новосибирске Плотников работал вместе с мощно набирающим в 1926 — 1929 годах силу поэтом Сергеем Марковым. Но из-за своей политической неблагона-

дёжности Плотников вынужден был довольно-таки часто пропадать в командировках или просто подолгу скрываться в отдалённых таёжных районах. Не случайно, отправив в 1930 году в московское издательство «Academia» рукопись эпического сказания вогулов и аналитическую статью о вогульском эпосе, он даже не указал своего адреса.

Не имея в течение двух с лишним лет возможности связаться с автором, издатели ознакомились с материалами Плотникова известного певца крестьянской Руси Сергея Клычкова, который сделал их вольную поэтическую обработку, и затем они оба текста включили в одну книгу. Кстати, Марков считал, что Клычков только ухудшил материалы Плотникова и погубил многие образы.

Позже выяснилось, что Плотников в момент издания вогульского эпоса находился в Хабаровске, о чём свидетельствует вышедшая там в 1933 году очередная его книга «Северное и пантовое оленеводство в Дальневосточном крае». Мне, кстати, очень жаль, что в словаре Белобородова и Пуртовой ни разу не упомянуты изданные на Дальнем Востоке научные работы Плотникова.

3. Документы — на стол!

Прав я оказался в своих догадках или нет, это могли подтвердить (или опровергнуть) только доку-

менты. Вопрос заключался лишь в том, где, в каких архивах их искать.

Эту задачу в какой-то мере облегчил Юрий Мандрика. Выпущенный им в 1998 году том с сочинениями Князева и Плотникова случайно попал на глаза двум приятелям: журналисту Юрию Переплёткину и бывшему партийному работнику Леониду Тайлашеву. И Тайлашев сразу вспомнил, как летом 1974 года к нему в Ханты-Мансийский округком КПСС приходил директор одной из красноярских школ Юрий Плотников. У него была всего одна просьба: переиздать главный труд отца — поэму «Янгал-Маа». Тайлашев, к своему стыду, тогда ничего не знал ни об этой поэме, ни о её авторе и попросил, чтобы красноярский гость прислал ему все отцовские тексты и биографическую справку о писателе. К сожалению, Тайлашев оказался бессильн: поэма «Янгал-Маа» в 1970-е годы так и не была переиздана. Но вот переписка с родственником Плотникова сохранилась. Она стала основой статьи Переплёткина «Многолюдная тундра», которую в 2000 году опубликовали сначала тюменский журнал «Лукич», а потом с некоторыми сокращениями журнал «Мир Севера».

Правда, по этой переписке можно было восстановить лишь ряд фактов из биографии Плотникова, а не весь жизненный путь писателя. И потом: все биографические сведения об отце красноярский гость Тайлашева приводил не по документам, а опираясь в основном на собственную память да на отрывочные рассказы своей матери. А память — вещь избирательная и очень субъективная. Полного доверия тут быть не может. Поэтому вопрос о поиске архивных материалов оставался в силе.

В какой-то мере эту проблему смог решить лишь заместитель начальника управления ФСБ по Тюменской области Александр Петрушин. Он выяснил, что в 1938 году чекисты заявили на Плотникова целое дело, материалы которого до недавнего времени хранились в Хабаровске. По его просьбе это досье было истребовано в Тюмень, где оно попало в руки Юрия Мандрика. Тот, не долго думая, практически полностью, без купюр перепечатал все материалы в своём журнале «Лукич» (2000, № 5 — 6 и 2001, № 1). Плохо только то, что издатель не сопроводил публикацию архивных документов комментариями историков и литературоведов.

4. Откуда разночтения

Но утверждать, что уж теперь-то о Плотникове абсолютно всё известно, нельзя. По-прежнему остаётся много белых пятен, разночтений и недомолвок.

Возьмём вопрос о месте рождения.

И Здобнов, и сын писателя сообщали, будто Михаил Плотников родился в 1892 году в городе Кольвань. А в материалах Военного трибунала Нижне-Амурского речного пароходства, рассматривавшего в 1939 году дело автора поэмы «Янгал-Маа», утверждается: «Плотников Михаил Павлович, рождения 1892 года, уроженец деревни Каменки, Новосибирского района...».

Другой вопрос — происхождение.

Юрий Плотников рассказывал, что его отец родился «в семье стюльара-краснодеревщика, до десяти лет жил в Кольвани, но потом «семья переехала в Новониколаевск, где Плотниковы приобрели дом и открыли мастерскую по ремонту мебели».

Указание на крестьянское происхождение писателя сохранилось и в ряде документов Военного Трибунала (в частности, при установлении Трибуналом 10 сентября 1939 года личности подсудимого).

Но есть и третья версия. Её озвучил сам Плотников. На допросе 9 июня 1939 года писатель утвер-

ждал, что из крестьян происходил не он, а его отец. При этом отец «крестьянством до революции 1917 года не занимался, а работал приказчиком у купцов в гор. Кольване, селе Бердском и в гор. Новосибирске. После революции он работал в начале также продавцом, а впоследствии служащим. С 1932 года, насколько мне известно, отец находился на пенсии».

Коль речь зашла об отце писателя, стоит упомянуть ещё одну деталь: 5 февраля 1933 года у него в новосибирской квартире вдруг произвели обыск, во время которого изъяли часть вещей сына, в том числе бланк со штампом «Сибирского правительства». Однако пока так и не ясно, на кого власть чёхла в 1933 году: то ли она в нём-то старшего Плотникова подозревала, то ли уже тогда подбиралась к Плотникову-младшему. До сих пор также неизвестно, какие последствия имел тот обыск для отца писателя.

Но вернёмся к вопросу о происхождении Плотникова. Похоже, среди его близких родственников были не одни крестьяне. Кстати, некто М.В. Прохоров, проходивший по делу писателя одним из свидетелей, на допросе 11 мая 1939 года прямо заявил, что отец Плотникова — крупный лесопромышленник. Но следователям будто бы пропустили эти слова Прохорова мимо ушей. Странная оплошность чекистов, не правда ли? Неужели следователям не хватило времени для проверки сведений? Или у них были на этот счёт другие соображения?

Я про отца-лесопромышленника ничего не знаю. Но есть (не точные, пока лишь косвенные) данные о том, что Михаил Плотников имел какие-то родственные отношения с владельцами широко известного в начале XX века на Тобольском Севере «Торгового дома Плотниковых». Этот дом обладал солидным пароходством и держал под своим контролем многие рыбные промыслы на Иртыше и на Оби. И похоже, что Плотниковы-рыбпромышленники после 1913 года всячески опекали будущего автора поэмы «Янгал-Маа». Хотя сам писатель, судя по воспоминаниям Сергея Маркова, в советское время публично всячески открещивался от этого рода и говорил, что никогда не имел даже самой захудалой лодки.

Не всё ясно и с образованием писателя. Его сын Юрий в письме Тайлашеву сообщал, что отец с 1903 по 1910 год учился в Томском реальном училище. Но сам Миха-

21.06.2002

Литературная Россия

реальном училище. Но сам Миха-

ил Плотников на допросе 8 июня 1939 года утверждал, что занятия в реальном училище он посещал с 1905 по 1912 год (хотя в одной из анкет привёл потом другие данные: 1901 — 1908 годы), а потом целый год учился на сельскохозяйственных агрономических курсах при Томском университете.

Впрочем, всё это мелочи. Существенно другое. Уже в советскую эпоху Плотников в листах по учёту кадров всегда писал, что он в 1913 году окончил в Риге сельскохозяйственный институт. Однако сразу после ареста писатель заявил: мол, это неправда, в Риге он никогда не учился. По его словам, про Ригу он сочинил якобы только потому, что туда посылал свою первую «работу по методике экстерьерных промеров северного оленя», которая «летом 1914 года получила положительный отзыв».

эти вроде бы выигрышные для него факты от чекистов? Похоже, только потому, что писатель в молодости примыкал не к большевикам, а к эсерам. Очевидно, что Плотников был в студенчестве очень деятелен. Безусловно, в какой-то момент он попал из-за своих «неправильных» воззрений в поле зрения жандармов. И совершенно точно, что кто-то из очень влиятельных людей помог ему если не совсем укрыться от полиции, то хотя бы частично избавиться от её опеки.

Историк Михаил Бударин озвучивает мнение, что в роли спасителя будущего писателя выступили владельцы «Торгового дома Плотниковых». По его версии, сначала рыбопромышленники сделали так, чтобы их набедакуривший родственник Михаил Плотников вместо содержания в

ним: темой. Никто до Плотникова в художественной форме не писал о том, какая неустроенность постигла вогулов в начале XX века.

Кто-то может возразить: а как же Константин Носилов? Ведь он ещё в 1904 году, за одиннадцать лет до Плотникова выпустил небезытересную книгу «У вогулов». Но надо вспомнить, какой книга имела подзаголовок. По определению самого автора, это были «чертики и наброски». Так что спорить тут не о чем: Носилов и Плотников, одинаково трепетно относясь к коренным обитателям Югорского края, писали про вогулов совершенно в разных жанрах. Носилов больше напирал на этнографию. В какие-то моменты он ощущал себя просветителем. А Плотников в первую очередь стремился понять образ мысли вогульских охотников и проникнуть в душу маленького таёжного народа. Он прежде всего искал действо. По его мнению, ярче всего характеры кочевников могли раскрыться в их поступках. Ну а то, что практически любое дело охотники пытались завершить пьянством, — разве это вина Плотникова? Таковы были реалии таёжной жизни.

Позже писатель вогульскую тему продолжил в рассказах «Божьи олени» («Сибирские записки», 1916, № 4) и «На оленьем холме» («Сибирские записки», 1918, №№ 1-2).

Я не буду сейчас углубляться в художественный анализ ранней прозы Плотникова. Ограничусь только вопросом: где это начинающий писатель успел так глубоко изучить быт и нравы вогульских охотников? Неужели в конторе Омской железной дороги? Вряд ли. Скорее всего, Плотников какое-то время жил среди вогулов. Во всяком случае точно известно, что писатель в 1918 году заработал репутацию серьёзного специалиста по культуре и быту малочисленных народов Тобольского Севера. Не случайно главный идеолог сибирского областничества Григорий Потанин звал его после октябрьского переворота в Томск, предлагая солидный пост в Институте производительных сил Сибири. А издатель журнала «Сибирские записки» Владимир Крутовский очень надеялся привлечь Плотникова к сотрудничеству с созданным новым Сибирским правительством министерством туземных дел. Неясно другое: почему писатель умалчал про свою жизнь среди вогулов на следствии в 1938 — 1940-е годы?

Я думаю, Плотников утаил югорский период своей жизни от хабаровских чекистов только потому, чтобы не усугубить своего выдворения. Следователи и так выдвинули ему ряд серьёзных обвинений. По их версии, Плотников был причастен к Сибирскому правительству и к Уфимской директории. Плотников, видимо, боялся, что, упомянув про годы, проведённые среди мансийских охотников, он дал бы основания хабаровским чекистам отправить запросы в Тобольск и Тюмень, и тогда неминуемо вскрылись бы факты участия писателя в эсеровском движении и его родство с владельцами «Торгового дома Плотниковых». А это означало бы, что шансы выжить у Плотникова резко бы уменьшились.

6. Страниц

На следствии Плотников избрал другую тактику. Да, в молодости он, разделяя идеи Григория Потанина и Николая Ядринцева, увлекался сибирским областничеством, мечтал о земском самоуправлении, ратовал за культурно-национальные автономии. Но события 1917 года будто бы заставили его радикально пересмотреть свои взгляды. Он якобы почитались от народа и погразили в борьбе за власть. А раз так, то Плотников сделал свой выбор, сосредоточился только на проблемах сельского хозяйства и от политики отошёл. Ну прямо-таки великий ягнёнок. Больше того, как доказательство своей лояльности новым властям, Плотников привёл такой факт: сразу после прихода в декабре 1919 года в Красноярск Красной Армии он устроился на работу в газету победившего пролетариата «Красноярский рабочий».

Только об одном умалчал писатель — о том, что заставило его в июне 1919 года перебраться из

отцовских мест в Красноярск. А причин переезда было как минимум две. Первая связана с новым приглашением Крутова. Несмотря на то, что Плотников не пошёл служить в созданное Сибирским правительством министерство туземных дел, Крутовский, высоко ценя талант этого сибирского самородка, напечатал в 1918 — 1919 годах в своих «Сибирских записках» две его вещи: повесть «На оленьем холме» и черновой вариант поэмы «Янгал-Маа». Но после перевода Уфимской Директории Крутовский сам оказался в опале и какое-то время находился у колчаковцев под арестом. Второй раз не откликнулся на зов именитого сибиряка писатель не посмел. Но главной была всё-таки вторая причина. Плотников надеялся, что в Красноярске получит возможность поучаствовать в земской управе, другими словами — реализовать часть своих идей по сибирскому областничеству.

Такие надежды в писателя вселял, повторю, журнал «Сибирские записки». Плотников полностью был согласен с программной статьёй этого журнала — «Областное обозрение», напечатанной в январском номере за 1918 год. Анонимный автор (скорее всего — сам Крутовский) утверждал, что «русский эксперимент Ленина — Троицкого, губящий Россию, даёт жестокий, но наглядный урок тому, как опасно делать несвоевременные скачки в царство будущего». Плотников тоже считал, что большевизм не принес в Сибирь «ничего светлого, ничего образного». Кругом воцарился «хаос, анархия». И самое грустное: «общий фон — самогонка, самогонка и самогонка».

Плотников думал, что сибирские областники смогут что-то противоставить большевизму. Однако он столкнулся с непомерными амбициями лидеров этого движения. Именно поэтому у писателя и у его товарищей с земством ничего не получилось. Тут ещё и Крутовский летом 1919 года прикрыл свой журнал.

Предложил в декабре 1919 года свои услуги газете «Красноярский рабочий», Плотников понимал, что вряд ли он долго в ней продержится. Пройдёт полгода, максимумит, власть окрепнет и обязательно начнётся чистка кадров. И как тогда писателю объяснить своё бывшее сотрудничество с земской управой? Поэтому при первой возможности Плотников от греха подальше устроился в северную экспедицию Красноярского музея.

Почти всю вторую половину 1920 года писатель провёл в Туруханском крае и на острове Диксон. От политики он вновь вернулся к изучению жизни и быта народов Севера.

После экспедиции Плотников официально оформил свои отношения с учительницей по имени Людмила Петровна. Но в Красноярске остаться они не рисковали, уехали в Енисейск. Однако и на новом месте молодая семья не прижилась. Зима 1920 — 1921 годов выдалась в Енисейске на редкость холодной и главное — голодной. Эти обстоятельства и побудили Плотникова к возвращению в отцовский дом — в Новосибирск. Он надеялся, что там его не забыли и помогут пристроиться. Но помнили его в основном одни литераторы, которые даже себя прокормить толком не могли. Спасибо отцу: он пристроил сына на какую-то канцелярскую должность в контору Сибугля.

Новый крутой перелом в судьбе Плотникова произошёл в конце 1921 года. Причиной тому стали два письма. Первое прислал Максим Горький. Прочитав в «Сибирских записках» главы из поэмы «Янгал-Маа», он посчитал нужным приободрить писателя и посоветовать ему довести начатую работу до логического конца. А второе письмо пришло из Читы. Плотникову приглашали заняться туземными проблемами в правительстве Дальневосточной республики. Второй раз у писателя появилась возможность на практике осуществить идеи сибирских областников.

Чита напомнила ему юность. Уже сама атмосфера, которая царил в кругах забайкальской интеллигенции, отдавала неким областничеством.

В кабинете Плотников долго не засиживался. Власти разрешили

ему организовать несколько экспедиций к таёжным звенкам. Писатель с радостью окупился в близкую ему стихию.

За три года Плотников написал книги «Туземный вопрос в ДВР» (1922), «Оленеводство» (1924), «Пушные заготовки в Забайкальской губернии в сезон 1924 — 1925 года и работа «Лушного собрания» (1925), большую работу о тунгусах-ороченах Забайкалья, организовал издание в Чите серии брошюр об звенках, сделал доклад о вогульском эпосе в Забайкальском отделе Русского географического общества (1921) и набросал тезисы статьи «О природе некоторых северных сибирских туземных племён» (это помимо чисто литературных сочинений). Тем не менее коллеги в 1926 году не включили его имя в «Материалы для биобиографического словаря восточно-сибирских этнографов». Я думаю, что произошло не в последнюю очередь из-за возникшего скандала вокруг последней статьи Плотникова.

Дело в том, что Плотников весьма убедительно опровергал фундаментальное положение известного этнографа Серафима Патканова о «медленном угасании северных сибирских племён». В своё время идеи Патканова о происхождении при царизме вымираний народов Севера яростно пропагандировали главные идеологи сибирского областничества Николай Ядринцев и Григорий Потанин. Но, как считал Плотников, они преданмеренно сгущали этот вопрос с целью заставить царское правительство более серьёзно заняться решением проблем туземцев. А в советскую эпоху тезис Патканова приобрёл уже иное звучание. Новое поколение политиков, прикрываясь Паткановым, доказывало, что при царизме народы Севера были обречены на гибель, а вот при Советах они заново расцветают.

Плотников, опираясь на данные переписи населения 1897, 1917 и 1920 годов, а также на личные наблюдения во время своих путешествий по районам Севера, пришёл к крамольному выводу, что данные Патканова — либо политическая мистификация, либо следствие неверной методики учёта населения.

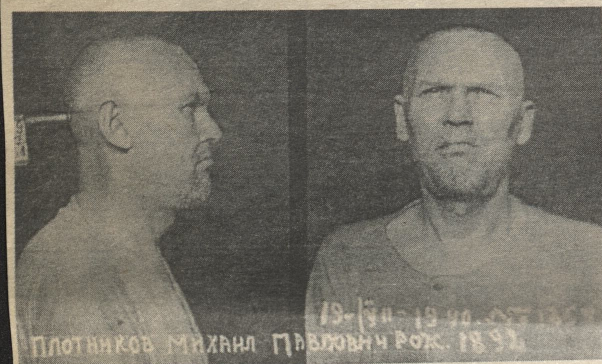
Естественно, разразился скандал. В Чите, где после перевода учреждений Дальревкома в Хабаровск Плотников хотел остаться, учёного напояли. Местные краеведы, группировавшиеся в основном вокруг Алексея Кузнецова, устроили ему, мягко говоря, обструкцию.

Спасибо сибирякам. Они проявили готовность принять блудного сына назад. Редактор газеты «Советская Сибирь» Давид Тумаркин даже выслал Плотникову деньги на дорогу.

Правда, сибиряки тоже не рисковали напечатать крамольную статью. В порядке дискуссии её опубликовал лишь московский журнал «Северная Азия» (1925, № 4), да и то сопроводив её сразу двумя откликами — профессоров Владимира Тан-Богораза и Льва Штернберга. Что интересно, по замыслу редакции отклики должны были носить решительно опровергающий характер. Но в реальности получилось, что два известных североведа лишь развили идеи Плотникова. Так, Тан-Богораз уточнил, что «вымирание туземцев на севере действительно было, но оно имело насильственный характер, искусственный, а не естественный». Причём это, как считал северовед, далеко не всегда было связано с походами царского правительства и политики Российской империи по присоединению к себе окраинных территорий. По его мнению, оленные чукчи и коряки в девятнадцатом веке «не пожелали и разбогатели» за счёт победоносных войн с соседними племенами. «Азиатские эскимосы стали посредниками в торговле с китоволами и тоже умножаются», — констатировал Тан-Богораз.

Другое дело, что руководство журнала, быстро поняв суть оценки Тан-Богораза, организовало ещё одну, но уже более критическую статью специалиста по тофуларам профессора К.Миротворцева («Северная Азия», 1926, № 2), после чего постаралось опасную дискуссию свернуть.

(Окончание следует)

Фотографии из дела о расстреле.

Фигура

Правду ли сказал на допросе Плотников? Сомневаюсь. И не только потому, что в материалах следственного дела Плотникова сохранились показания его хабаровского товарища Льва Даниловича — сотрудника Дальневосточной краевой плановой комиссии, в которых есть ссылка на учёбу Плотникова в Прибалтике. Другое дело, что чекисты, занятые выяснением политических взглядов Плотникова, на эту ссылку на прибалтийский университет не обратили внимания.

Удивительно другое. Судя по другому допросу — от 21 июня 1939 года, писатель вплоть до 1919 года оленями никак не мог заниматься. Отвечая на вопрос о трудовой деятельности, он утверждал, что свою трудовую биографию ведёт с декабря 1913 года. «За этот период времени работал: 1. Декабрь месяц 1913 года, корректор редакции «Сибирская новь», г. Новосибирск.

2. С января м-ца 1914 года по май месяц 1918 года консультантом по вопросам сельского хозяйства на Омской жел. дороге, г. Омск...

3. С сентября м-ца 1918 года по июнь м-ц 1919 года работал в гор. Камень инструктором по с/х при Правлении Каменского союза кооперативов.

4. С июня м-ца 1919 года по декабрь м-ц 1919 года агроном по Северному сельскому хозяйству при Губернской земской управе, гор. Красноярск.»

Стоп. Если верить этому послужному списку, теоретически Плотников только летом 1919 года мог заняться проблемами оленеводства. Но он же сам в предисловии к первому изданию поэмы «Янгал-Маа» утверждал, что с сбором сказаний в местах проживания вогулов обратился ещё в 1915 году. Что он — исключительно в отпуске занимался мансийским фольклором? Не очень-то в это верится. Значит, Плотников где-то что-то сознательно упустил. И, видимо, то у него были свои причины.

5. Путь к вогулам

У меня нет сомнений в том, что Плотников в своё время входил в различные революционные кружки и участвовал в движениях против царизма. Но почему он скрыл

тюремь был сослан под надзор полиции в Тобольск, а уже потом они отослали племянника в Берёзовский уезд, где тот стал заготовителем скучпачком мехов и рыбы. Никакими документами Бударин свою версию не подтверждает. Аргумент у него только один: разговор со своим давним приятелем Валерианом Слиньковым, который одно время возглавлял Омское издательство, а в молодости служил в Тобольском ОГПУ и якобы вёл досье на всех Плотниковых.

Я думаю, Бударин не так уж далёк от истины. Во всяком случае версию о том, что Михаил Плотников имел влиятельных заступников, косвенно подтверждают и свидетельства Всеволода Иванова, в советское время прославившегося повестью «Бронепоезд 14-69». В 1917 году в письме к своему литературному наставнику поэту Кондратию Худякову он сообщал, что в Омске познакомился с двумя литераторами. Фамилия второго — Михаил Плотников. Иванов так его обрисовал: «Верхняя губа короче нижней. Пенсне. Английский пробор. Синий пиджак и порты, в боковом кармане пиджака — алый кончик платка. Был в Америке, Англии и Германии, учился в университете. Умён, вдобавок мошеник!»

Согласимся, что простой консультант Омской железной дороги по сельскому хозяйству в Америке или Германии вряд ли смог бы попасть. Есть и другие, но также косвенные доказательства того, что Плотников сообщал чекистам в 1939 году далеко не всю правду о начале своего трудового пути. Как это ни парадоксально, но одним из аргументов могут служить его первые рассказы.

Сам Плотников на допросах говорил, что начало своей литературной деятельности относится к 1915 году. Среди интеллигенции Омска тогда определённую популярность имел кружок Шавыкиной. Плотников дал согласие поучаствовать в сборнике «Жертвам войны», предложил три рассказа: «Суд», «Манси» и «Шунгур». По сути, все они представляли зарисовки «из вогульской жизни».

Нельзя сказать, что это была очень сильная проза. Пожалуй, она привлекала внимание только од-

7. Тунгусятик

В Сибири тоже не всё так оказалось просто. За четыре года Плотников вынужден был поменять шесть редакций. «Советская Сибирь» его обманула с квартирой. «Сибирский гудок», куда он перешёл в конце 1925 года, сам закрылся. Недолго просуществовала и «Ачинская правда», приютившая Плотникова после распада «Сибирского гудка».

Конечно, здесь надо учитывать и далеко не английский характер писателя. Он был человеком сложным, с неуживчивым характером и сильным темпераментом.

Очень сильно навредили Плотникову и слухи по поводу якобы его несметных богатств. Писатель искренне верил, что Ермак после победы над Кучумом захватил и спрятал золотой клад. Он считал, что можно вычислить месторасположение тайника. Но стоило ему обнародовать эти планы, тут же сбежалась тьма кладоискателей. Клад Кучума дополнили находил Плотникову много недоброжелателей и завистников. И не случайно за глаза писателя в литературном мире называли Тунгусятиком.

Особенно у Плотникова осложнились отношения с редакцией журнала «Сибирские огни». Пока писатель жил в Чите, он считался одним из любимых авторов этого журнала. Так, во втором номере «Сибирских огней» за 1924 год были опубликованы сразу две его вещи: рассказ «Горюдок» и статья «Послерусский вогульский эпос». Но стоило ему переехать в Новосибирск, и всё изменилось. Одна из причин тому — конфликт с Владимиром Зазубриным.

И Зазубрин, и Плотников по натуре были лидерами. Оба были чрезвычайно талантливыми писателями. Но они по-разному смотрели на будущее литературы в Сибири. К тому же Зазубрин принадлежал к красным комиссарам, а Плотников в гражданскую войну стоял на иных позициях. Окончательно их дороги разошлись, видимо, сразу после проведённого в марте 1926 года съезда сибирских писателей. Во всяком случае Зазубрин после съезда старался потом имени Плотникова публично нигде не упоминать. Смотрите, кого он только не перечисляет в статье «Литературная пушнина», приуроченной к 5-летию «Сибирских огней». Есть «старик» Вс. Иванов, П. Березовский, И. Гольдберг, Ан. Сорокин, П. Драверт... Есть очень даже звучные имена: Л. Сейфуллина, А. Караваева, Р. Фраерман, А. Коптелов, Л. Мартынов, С. Марков... Но есть и такие имена, которые даже историкам литературы мало что скажут: П. Стрижков, Н. Дубняк, Ф. Тихменев, В. Заводчиков. А вот Плотников даже через запятую не упомянут. Не странно ли? Всё это очень похоже на мсть.

Долгие всего Плотников проработал в Тюмени и Тобольске. Я думаю, это не случайно. И дело, видимо, не только в желании писателя восстановить родственные отношения с племянниками (многие потомки владельцев «Торгового дома Плотниковых» после октябрьского переворота 1917 года остались жить в Тобольске). Плотников очень хотел завершить поэму «Янгал-Мая», но для этого надо было освежить впечатления юности и вновь поехать по Тобольскому Северу. Работа разрезанным корреспондентом сибирских газет в этом плане подходила ему как нельзя кстати.

Последнюю точку над поэмой Плотников поставил в 1927 году и спустя какое-то время отправил рукопись в Москву в Госиздат. Не дожидаясь ответа, он затем за один присест написал приключенческий роман «Клад Кучума», который всё лето 1928 года печатала тобольская газета «Советский Север» под псевдонимом М. Сибиряков. И тогда же писатель отправил в столичную газету «Беднота» две новых свои повести: «Кержаки» и «Изгнание Анлого».

Но тут фортуна Плотникову изменила. Журналистом из «Красного знамени» неожиданно заинтересовались местные чекисты. Кажется, им удалось разыскать какие-то документы об эсеровском прошлом писателя. За Плотниковым было установлено наблюдение. Во всяком случае так утверждает историк Михаил Бударин, опираясь на признание своего приятеля Валерияна Слинкина, служившего в конце 1920-х годов в Тобольском ОГПУ.

Плотников, судя по всему, догадался о том, что попал «под колпака», и стал срочно думать о смене жительства. Предлог нашёлся довольно-таки быстро. Если верить его словам, «в 1928 году Наркөзем поднял вопрос об оленеводстве, и все специалисты — оленеводы, а их в то время было очень мало, обзавелись работать по специальности... По путёвке Наркөзема я был командирован в город Красноярск в распоряжение Сибгосторга для организации оленьих питомников».

В Красноярске Плотников получил задание: создать Тазовский зоотехнический пункт. Но сначала надо было добраться хотя бы до Туроханска. Была уже зима. Енисей сковал лёд. Навигации дожидаться не имело смысла, и Плотников отправился в дорогу на лошадях. Позже он признавался: «Я всецело занялся опытами по северному оленеводству. Для опытов я располагал небольшим опытным стадом в 100 голов». Политика его уже якобы не интересовала. Весь досуг писатель отдал новому роману — продолжению рассказа «Горюдок», на публикацию которого в 1924 году в «Сибирских огнях» сочувственным письмом ему откликнулся Максим Горький.

Но через два года власти Тазовский зоотехпункт ликвидировали. Искать работу где-то в Туроханске Плотников не хотел. Он устал

от таёжной скуки и некомпетентности местных чиновников. Ему захотелось попасть в какой-нибудь большой город, окунуться в литературную среду, пообщаться с интеллектуалами. Но возвращаться в Тюмень или Тобольск писатель не рисковал, опасаясь, что местные чекисты сразу его арестуют. Остался Новосибирск. Однако Плотников резонно боялся, что и там чекисты не слишком рады будут его появлению: уж очень они в середине 1920-х годов стали плотно опекают литераторов. Кстати, чуть не подвело Плотникова. Первая же серия арестов, прокатившаяся среди новосибирских писателей, впрямую задела его товарищей — поэтов Сергея Маркова и Леонида Мартынова. Было даже сфабриковано дело «Сибирской бригады». И если б Плотников рисковал после Туроханского края вернуться в отцовский дом, кто знает, не составил ли он компанию поэтам и не угодили бы в состряпанные чекистами списки мифической «Сибирской бригады»...

После долгих раздумий Плотников решил, что надо тытаться туда, где его практически не знали. Он так и сделал, отправив телеграммы с предложениями о своём трудоустройстве в сельхозучреждения Москвы, Хабаровска и Якутска. Обращаться в издательство или журналы у него не хватало духа. И, как это ни

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЗАГАДОЧНАЯ

странно, положительные ответы пришли сразу из всех трёх городов. Хабаровск же писатель выбрал только потому, что тамошнее земельное управление одновременно с ответом высылало ему деньги на дорогу.

На новом месте роль Плотникова, по его словам, сводилась поначалу «к собственно оленеводству (угон, кастрация, случка, отельный период) и тундроведению — изучению оленьих пастбищ».

8. Удар судьбы, или Борьба за авторство

В Хабаровске на писателя обрушился новый удар судьбы: он увидел свежий номер журнала «Новый мир», но в котором была опубликована не его поэма «Янгал-Мая», а переложение Сергея Клычкова.

В кратком предисловии Клычков оговаривался: да, в своей работе он опирался на поэму Плотникова. По его словам, «Михаилу Плотникову выпало на долю большое счастье: он поднял с суровых и неприютных снегов сибирской тайги и тундры золотое руно чудесной народной сказки...» («Новый мир», 1932, № 7-8). Но почему бы тогда и не опубликовать эту сказку в изложении первооткрывателя? Ан, нет. Клычков ограничился лишь двумя ссылками — на журнал «Сибирские записки» 1918 года издания и на издательство «Academia», только собиравшееся печатать тексты Плотникова. Вывод такой: если кому интересны первоисточники — копайтесь в библиотеках, а художественное творчество по силам, мол, одному Клычкову. Попутно Клычков обозвал вогулов «народом малокультурных».

Плотников не смирился с таким хамским отношением к его творчеству. Естественно, возник грандиозный скандал. Оргкомитет по созданию Союза советских писателей даже назначил по расследованию этого дела специальную комиссию под председательством А. Фадеева, в которую вошли также Э. Багрицкий, В. Еришилов, А. Сурков и Д. Горбов.

После недолгого разбирательства выяснилось, что первоначально поэма Плотникова «Янгал-Мая» поступила в Госиздат, а оттуда — в издательство «Academia». Дальше, по одной из версий, издатели посчитали, что эта рукопись ближе к этнографии, нежели к литературе. Они хотели, чтобы автор кое-какие места переписал, но где его искать, никто не знал: обратного адреса Плотников к своей рукописи не приложил.

Каким образом про эту рукопись узнал Сергей Клычков, достоверно неизвестно. Говорят, будто руководство издательства «Academia» обратилось к Клычкову по совету лично Максима Горького. Но сегодня точно можно говорить лишь о том, что Клычков к началу 1930-х годов, нещадно обруганный в печати критикой, остался без работы и надеялся с помощью переводов поправить своё материальное положение. Ко всем переложениям он изначально относился как к средству для прокорма.

Поэт Сергей Марков утверждал, что Анатолий Луначарский, одно время руководивший издательством «Academia», очень долго не соглашался публиковать текст Клычкова и не хотел платить Клычкову гонорар до тех пор, пока не удастся разыскать Плотникова. И в этой ситуации Клычков, по словам Маркова, повёл себя, мягко говоря, не лучшим образом. В ход пошли наёмки, будто Плотников бежал в Харбин. Всё это было очень некрасиво. Луначарский надеялся, что Марков по-

может ему найти автора поэмы «Янгал-Мая». Но вскоре Луначарского самого убрали из «Academia».

Своей вольной обработке полученных от «Academia» материалов Клычков дал уже другое название: «Мадур-Ваза Победитель». Первое авторское чтение поэмы состоялось 24 марта 1932 года в клубе ИЗО. Пригласительные билеты, зазывавшие публику на вечер, сообщали: «По мнению профессора Соколова и других специалистов, поэма имеет большой художественный, общественный и научный интерес». Ну а чуть позже, размахивая отзывами ряда учёных и писателей, Клычков убедил Ивана Гронского напечатать своё переложение в журнале «Новый мир».

Это что касается предистории вопроса. Но у комиссии были ещё одна задача: установить, является ли поэма Клычкова самостоятельной работой или это — плагиат.

Решение было принято 5 августа 1933 года. Оно гласило:

«Поэт С. Клычков, ознакомившись с работой т. Плотникова по материалам, напечатанным в «Сибирских записках», и по рукописи, представленной собиравшем в изд-во «Academia», подверг весь этот материал литературной обработке, в результате которой текст Плотникова подвергся частичным изменениям и был дополнен свыше 2000 стихов, являющихся результатом творческой работы самого Клычкова. В результате обработки сюжет поэмы, как он дан в работе т. Плотникова, не подвергся существенным изменениям, но

был развит рядом добавлений бытового, описательного, исторического и лирического порядка, отчего общий художественный уровень поэмы повысился.

...Комиссия считает, что в данном случае нет налицо факта литературного плагиата».

Но спустя несколько дней «Литературная газета» устами своего автора Юрия Соколова фактически опровергла выводы этой комиссии. В статье «Только ли вольная переработка?» Соколов яростно доказывал, что «Мадур Ваза Победитель» ни в коем случае не может считаться самостоятельным произведением Клычкова («ЛГ», 1933, 11 августа). Парадокс в том, что незадолго до выхода этой статьи издательство «Academia» выпустило оба текста — и Плотникова, и Клычкова — под одной обложкой (тиражом 10 600 экземпляров), а редактором этих текстов был не кто иной как Ю. Соколов. Более того, в предисловии от издательства Соколов дал совершенно другие оценки Клычкову. И до сих пор непонятно, что же Соколов думал на самом деле.

Пока шло разбирательство, свои оценки трудам и Плотникову, и Клычкову высказал один из авторитетных по тем временам критик А. Воронский. В письме к руководству издательства «Academia» в июле 1933 года он утверждал: «Героическая поэма Плотникова, на мой взгляд, является событием в нашей литературе. Во многом отношении она выше «Песни о Гайавате», в вогульской поэме цельнее сюжет и мысль значительнее. Образы Вазы, Юго, Майки великолепны. С.А. Клычков превосходно отредактировал поэму, внёс в неё немало чудесных образов, выправил много стихотворных шероховатостей и прямых оплошностей... Кое-где выправка спорна... Вообще же поэма — произведение замечательное и работа редакционная С.А. Клычкова совершенно исключительна по своим достоинствам».

Клычков воспринял этот компромиссный отзыв как индальгенцию и спустя три года выпустил в Госиздате своё переложение поэмы Плотникова вторым изданием, но уже тиражом полторы тысячи экземпляров. Правда, на этот раз текст оригинала в книгу не попал.

Позже Клычков собрался перевести на русский язык киргизский эпос «Манас». Но и мансийскую тему он совсем оставлять вроде бы не хотел. Во всяком случае главный редактор «Нового мира» Иван Гронский вспоминал, как однажды заглянул к нему Клычков. Первые его слова:

«— Вот вогульский эпос, он отображает быт вогулов до революции, а нельзя ли посмотреть, что теперь с этим народом после революции стало. Я хочу поехать к ним.

— Очень хорошо.

Дал ему денег, тысяч 6-7, организация мы богатая. Пробыл он у вогулов полтора-два месяца... Приехал в Москву, пришёл ко мне.

— Был?

— Да.

— Как съездил?

— Ничего.

— Как ничего?

— Нет вогулов.

— Куда же девался целый народ?

— Не знаю. Избы крытые тёмсом, поля крашенные, зубы чистят. Нет вогулов. Не могу писать.

И не написал. А этот разговор привёл на собрании писателей «Нового мира», и С.А. Клычков его подтвердил.

Вот вам фигура С.А. Клычкова и характерные её черты».

Получается, что для Клычкова мансийский фольклор был всего лишь малозначительным эпизодом. По крайней мере, певца крестьян-

ской Руси абсолютно не волновало, как его переложение восприняли литературоведы и специалисты по Северу.

Для Плотникова же поэма «Янгал-Мая» была если не всем, то существенной частью его биографии. Он посвятил культуре мансийского народа лучшие годы своей жизни. И его, естественно, очень даже интересовало, как к поэме отнеслась критика.

Увы, критика сразу наехала на Плотникова (но не на Клычкова — это поразительно) кучу ярлыков. Так известный исследователь русского фольклора Юрий Соколов обвинил писателя в панфиннизме.

Молодой этнограф Валентин Чернецов в книге «Вогульские сказки» (Л., 1935) однозначно заявил, что поэма «Янгал-Мая» далека от мансийского фольклора. К сугубо научной полемике учёный добавил несколько политических обвинений. Он, если бы Чернецов мог предвидеть, как всего через три года этой же «дубинкой» будут размахивать и против него. Но в отличие от Плотникова он отделился короткой отсидкой. Хотя и этого ему будет вполне достаточно, чтобы, выйдя на свободу, раз и навсегда отказаться от занятий мансийским фольклором и переключиться на менее опасные археологические раскопки.

Затем в полемике вступил собиравтель не-нецкого фольклора Вячеслав Тонков. Он воспринял героя эпического сказания богатыря Вазу исключительно как шамана. Хотя это не так. Больше того, ему очень не понравилось, что писатель «поставил шамана на пьедестал

народного освободителя». По его мнению, шаман вообще не мог нести в себе положительные черты, ибо он «при своей силе, построенной на религиозном одурманивании народа, был глубоко ненавистен широкому массам» (В. Тонков. Ненецкие сказки. Архангельск, 1936).

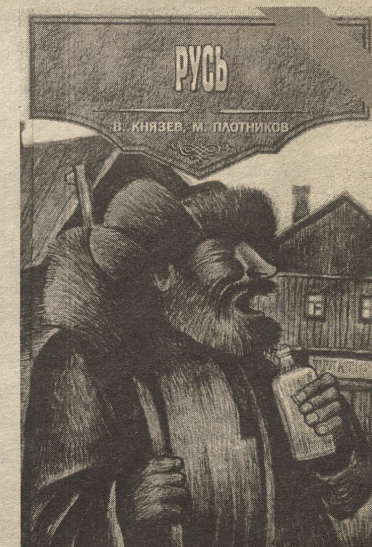
Не поспешили на вульгарную критику также А. Баландин и А. Бормин. Они опубликовали о поэме «Янгал-Мая» развёрнутую статью в журнале «Омская область» (1937, № 7). Я сейчас не касаюсь поднатыми ими вопросов научного изучения эпоса, чистоты жанра, соотношения фольклорного материала и литературы. Это тема для важной дискуссии. Безусловно, кое в чём Баландин и его соавтор были правы. Но зачем учёным потребовалось навешивать на писателя политические ярлыки? Неужели они не понимали, чем грозили Плотникову обвинения за то, что он «слишком реалистические черты национально-освободительной борьбы и классовых отношений» укрыв в сказании «под перипетиям схваток с мифологическими существами»?

Эту книгу издал в 1998 году Юрий Мандрика

Обидно, что самые большие на то время знатоки мансийской истории и культуры Чернецов и Баландин не поняли самого главного: Плотников представил читателям не чисто фольклорную запись вогульского (мансийского) эпоса и даже не свою обработку древних сказаний, а авторскую поэму, которую и разбирать надо по законам именно этого жанра.

Баландина привёл в недоумение тот факт, что Плотников нигде не указал точные места записей своих текстов. Ссылки в предисловии поэм «Напутствие» на встречи со столетним сказителем Кутоней и на «чум реки Соссы» породили у него одни только сомнения. Один из аргументов учёного: обилие в «Янгал-Мая» слов, которые характерны для носителей не сосвинского, а кондинского диалекта, отделинных от сосвинских манси весьма значительным расстоянием.

Но если следовать этой логике, можно усомниться и в том, существовал ли в реальной

Эту книгу издал в 1998 году Юрий Мандрика

жизни этот Кутоня, якобы впервые поведавший Плотникову про богатую Вазу. Я вполне допускаю, что Кутони не было и что это собирательный образ. Не исключено, что разрозненные песни про Вазу писатель слышал не единожды и в разных чумах, и в какой-то момент он решил собрать все сказания воедино. Но, повторяю, всё это лишь предположения, догадки и версии, и не более того.

Пока достоверно известно только то, что Плотников и не собирался ограничивать себя рамками исключительного мансийских сказаний. В том числе и потому, что не считал себя непревзойдённым знатоком мансийского языка (языком манси он владел на бытовом уровне). Свою задачу писатель видел в другом. Как он сам признавался, «общие волгульская сага и вошедшие в неё нашествия и варианты послужили... только канвой для поэмы». Его цель заключалась в том, чтобы, сохраняя дух древних сказаний, реконструировать героический путь Вазы, с которым вогулы долгое время связывали мечту избавиться от зависимости московских государей. Плотникову важно было раскрыть характер выдуманного народом богатыря в динамике. И когда писателю для достижения этой цели не доставало материала из мансийских песен, он смело вводил в ткань поэмы эпизоды из невенчаных и хантыйских саг, что позже Юрий Соколов расценил почему-то как панфиннизм.

Конечно, все эти нападки очень скоро отразились на Плотникове самым губительным образом.

Из североведов единственные, кто осмелились в страшные 1930-е годы публично поддержать литературные опыты Михаила Плотникова, были этнографы супруги Илья Гудков и Виктория Сенкевич. В 1934 году Сенкевич впервые близко соприкоснулась с мансийскими рыбаками и охотниками, жившими на Сосье, и услышала их сказания. Позже, опираясь на собранные материалы, учёная срав-

нивала «Янгал-Маа» с «Илиадой». Как отмечала Сенкевич, поэма «Янгал-Маа» («Насыщенная богатством северного фольклора» («Советская Арктика», 1935, № 5). А Гудков никак не мог успокоиться от «переложения» Клычков, которые лишь испортили текст Плотникова («Советская Арктика», 1937, № 1).

Однако, судя по всему, ни хула, ни похвальба североведов до Плотникова не дошли. В Хабаровске он продолжал работать над проблемами традиционных промыслов народов Севера. В год выхода в Москве поэмы «Янгал-Маа» хабаровские издатели выпустили нового его монографию «Северное и пантовое оленеводство в Дальневосточном крае».

Другая тема, которая не давала ему покоя ещё в Чите, — этногенез тунгусов. Плотников хотел обобщить свои наблюдения, сделанные им в разное время в Забайкалье, Туруханском крае и в Приамурье. Он не случайно в Хабаровске сблизился с этнографом и бытописателем Е. Титовым (его писатель знал ещё по Забайкалью, у которого была своя теория происхождения тунгусов).

Не оставлял Плотников в Хабаровске и литературных занятий. Хотя некоторые сослуживцы расценивали его увлечение литературой чуть ли не как рабство. Так, составляя по требованию чекистов характеристику на Плотникова, и.о. начальника военного отдела Хабаровского краевого земельного управления Гаврилов литературные опыты Плотникова определил «как стремление получения дополнительного заработка». Ни больше и ни меньше. Вот так! Между тем Плотников на одном дыхании написал в Хабаровске первую часть романа «Городок на Каве» — о продвижении русских казаков в Сибирь (её напечатал журнал «Сибирские огни», 1938, №№ 2—4). А в планах был остросюжетный роман «Чалдоны» (чёрный вариант этой книги чекисты изъяли у писателя при аресте 4 октября 1938 года, но куда он потом делся, пока неизвестно).

Ещё после гражданской войны Плотников понял, что больше трёх лет ради собственного благополучия ему лучше нигде не засиживаться. Иначе есть большая доля вероятности, что местные чекисты пронюхают про его «опасное» прошлое. Вот почему он не смог осесть надолго ни в Красноярске, ни в Чите, ни в Новосибирске, ни в Тюмени, ни даже в оторванном от крупных городов Туруханском крае.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

И только в Хабаровске Плотников изменил давней привычке. Видимо, оказались годы. Возможно, надоело метаться по стране. Захотелось своего гнездышка.

А это в 2000 году издал журнал «Наш современник»

закончилась для Плотникова трагедией: он получил сильное обморожение суставов.

А вот писатели про автора поэмы «Янгал-Маа» практически забыли. Вставший сразу после войны у руля Красноярской писательской организации Сергей Сартаков боялся, что если он станет Плотникову как-нибудь помогать, то навлечёт подозрения чекистов уже на себя. Плотникова даже не пригласили в Новосибирск на празднование 25-летия журнала «Сибирские огни».

Из всех участников юбилейных торжеств про вклад в литературу Сибири Плотникова вспомнил лишь Михаил Бударин. Но он о судьбе писателя ничего не знал. Кого бы Бударин на празднике «Сибирских огней» не спрашивал о Плотникове, все только пожимали плечами. Один Анатолий Ольхон, поэт из Иркутска, припомнил это имя. Спусти полвека Бударин, пытаясь восстановить свой разговор с Ольхоном, привёл две короткие реплики иркутского стихотворца. Смысл первой реплики сводился к тому, что Плотников вроде бы какое-то время мелькал в Иркутске и Ольхон с ним даже о чём-то беседовал. Вторая реплика состояла из предположения Ольхона, будто в какой-то момент автор поэмы «Янгал-Маа» перебралась жить в Якутию.

Между тем сам Плотников в 1947 году вышел на пенсию и уехал из Красноярска в посёлок Ираха. Он очень стремился вернуться к литературе. Особенно ему хотелось переиздать поэму «Янгал-Маа». Но, опасаясь, что в прежней редакции ни одно издательство не рискнёт переиздать эту поэму, Плотников решил кое-какие эпизоды переписать, а главное — изменить концовку, для чего сочинил ещё одну песню «Аргиз Ленина». Надо ли говорить, что эта песня толще ухудила текст произведения?!

Умер Плотников 5 марта 1953 года. После смерти писателя его сыновья много раз пытались добиться переиздания главной книги своего отца, но ничего из этого не вышло.

10. Беспамятство продолжается?..

Более сорока лет о существовании поэмы «Янгал-Маа» знал лишь очень ограниченный круг специалистов. Но даже в этом кругу о поэме упоминали крайне редко и в основном шёпотом. Вслух если иногда где-то и говорилось, то на всякий случай — только негативно, чтоб компетентные органы потом «не приклеили» какую-нибудь статью. Особенно обидны были резкие оценки крупнейшего исследователя фольклора ненецов Зои Куприяновой, которые прозвучали в коллективном сборнике учёных-североведов «Языки и фольклор народов Крайнего Севера» (Л., 1969). У меня сложилось впечатление, что Куприянова хотела в лице Плотникова видеть лишь фольклорный текст, и она никак не могла согласиться с тем, что поэт, отталкиваясь от мансийского фольклора, пошёл дальше и создал авторскую поэму, которую разбирать и судить надо совсем по другим законам, чем чисто фольклорные записи.

Из профессиональных литературоведов первым, кто попытался понять и оценить если не всё творчество Плотникова, то хотя бы его произведения, рассказывающие о мансийском народе, стал преподаватель Тобольского пединститута В. Лебедев. В 1995 году он выпустил книгу «Манси: Очерк истории литературы», в которой М. Плотников посвящена шестая глава «Манси в русской художественной литературе». Оговорившись, что о судьбе писателя ему мало что известно, Лебедев сосредоточился в основном на проблеме соотношения исторической правды и вымысла и на решении вопроса, можно ли в русском стихосложении хореем передать особенности мансийской поэзии.

Ноя думаю, что учёный явно поспешил, когда не просто согласился с оценками первых издателей Плотникова, которые ещё в 1933 году

поставили в упрек поэту антирусскую направленность («Янгал-Маа», но посчитал это его заслугой. Аргумент Лебедева: мол, Плотников написал всю правду, верно отобразив исторический процесс.

Если Плотников действительно бы сочинил антирусскую поэму, вряд ли бы за её переложение взялся Клычков. Думаю, репутация певца крестьянской Руси Клычкову при всём при том была дороже многих денег, которые, как он надеялся, могли ему принести переводы. И не думаю, чтобы антирусское произведение привело бы в восторг такого яркого русского поэта, как Сергей Марков.

По-моему, тобольский литературовед не совсем правильно понял главные идеи поэмы и неточно расставил акценты. Ведь таким же образом плотниковское произведение можно было объявить ещё и антиязырянским, направленным против коми народа, сославшись на девятнадцатую главу «Последняя песня Кукусы», на вот эти строки: «С Ихмы хитрые зыряне коми-морт приходят в Маа, занимают наши земли, наши пастища оленьи, жгут леса и топчут ягель, нежный ягель — корм оленей».

Суть поэмы «Янгал-Маа» в другом. Каждый народ склонен идеализировать своё прошлое и мечтать о лучшей доле. Но свои надежды на лучшее многие, как правило, связывают или с добрыми царями, или со сказочными богатырями. Вот почему мифы давно стали частью нашей жизни. И не случайно, мечтая о счастливом будущем, татары Сибири в исторические времена очень долго надеялись на возвращение последнего хана Кучума, а нецы ждали, когда вернётся их богатыря Итья. Предки же современных манси придумали своего героя — Вазу. К сожалению, Лебедеву не удалось проанализировать этот очень интересный художественный образ. Вне его внимания оказался и другой герой поэмы — шаман Кукуса. Хотя, по замыслу Плотникова, именно рассказы об имени Кукусы должны были подготовить читателя к восприятию вогульской мира, объяснив ему, как вогулы жили до появления в Югорском крае русских казаков и отчего возникла междоусобица среди вогульских князей.

Однако с тобольским литературоведом никто спорить не стал. Не в последнюю очередь потому, что большинству читателей не был понятен предмет спора. О чём дискутировать, если только единицы были знакомы с творчеством Плотникова (полный текст поэмы «Янгал-Маа» в советское время печатался всего лишь один раз в 1933 году, в издательстве «Academia» вроде бы немалым тиражом — 10 600 экземпляров, но из-за политической неблагонадежности её автора уцелели лишь считанные экземпляры книги, во всяком случае этот фолант отсутствует даже в целом ряде крупных библиотек Тюмени и Ханты-Мансийского округа).

Маленькое отступление. В середине 1980-х годов тобольский писатель и журналист Нижневартовска Маргарита Анисимовой, которая до этого на протяжении тридцати с лишним лет занималась сборником и обработкой мансийских сказаний. Больше недели она эту поэму переписывала от руки в Ленинской библиотеке. В итоге писательница подготовила свою обработку сюжета о богатыре Вазе, но уже в прозе. Это переложение с предисловием Артура Чернышова вышло в 1990 году в московском издательстве «Столица». Мое мнение: лучше бы Анисимова этого не делала. Её версия не выдерживает никакой критики. И самое обидное — она убила язык Плотникова. Ну не чувствует человек слова. Но это тема уже другого разговора.

А что сотворил Юрий Надточий?! Он написал на материалах книги Плотникова песню «Янгал-Маа», которую поставил тюменский театр, «разбавив» плотниковский текст эротическими сценами.

Оригинальный текст поэмы Плотникова был во второй раз переиздан лишь через 65 лет после первой публикации — в 1998 году, в чём прежде выше заслуга тюменского поэта Юрия Мандрика. Он же, Мандрика, спустя два года в журнале «Лукич» представил последнюю авторскую редакцию поэмы «Янгал-Маа» с неудачной «ленинской» главой.

К сожалению, некоторые исследователи до сих пор предпочитают пропагандировать только переложения плотниковской работы, волюно или невольно умаляя художественную значимость оригинала. Молодец критик Вячеслав Морозов, после многолетних усилий добившийся очередного выхода в 2001 году в издательстве журнала «Наш современник» вольной обработки Сергея Клычкова «Мадур-Ваза Победитель». Но зачем же на последней четвёртой странице обложки нового издания утверждать, что «Мадур-Ваза Победитель» — героический эпос северного народа манси (вогулов) и что читатель держит в руках первое переиздание выполненного Клычковым вольного перевода мансийского эпоса? Это же не так. Во-первых, переложение Клычкова — далеко не эпос. А во-вторых, вольный перевод Клычкова после 1933 года, как я уже писал, переиздавался в 1936 году. Так что книга 2001 года — это по счёту третье издание. И при этом Морозов даже словом не обмолвился о том, что в 1998 году тюменцы переиздали первоисточник — поэму Плотникова. Это вообще не самый лучший в критике приём: одного поэта, в данном случае Клычкова, утверждать за счёт другого — Плотникова.

Увы, пока приходится констатировать такой печальный факт, что читающему миру имя Плотникова по-прежнему остаётся малоизвестным.

9. Арест

Арестовали Плотникова 4 октября 1938 года. Началу ему поставили в упрек пропаганду идей сибирского областничества и сотрудничества во время гражданской войны с Сибирским правительством и Уфимской директорией. Но потом чекистам этого показалось мало. Во многом на основании допросов бывшего царского полковника Максимилиана Фризендорфа (по другой версии, это был разведчик, специализировавшийся с царских времён по

